

DOI: 10.31648/an.5585

В ПОГОНЕ ЗА ЖАР-ПТИЦЕЙ...
ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА
ДУША В КАЗАХСКОЙ, РУССКОЙ
И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

IN PURSUIT OF THE FIRE BIRD...
LANGUAGE OBJECTIVIZATION OF *THE SOUL* CONCEPT
IN KAZAKH, RUSSIAN AND POLISH LINGUOCULTURES

Iwona Anna NDiaye

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3881-0474>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie / University of Warmia and Mazury in Olsztyn

e-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

Манаткуль Мусатаева

Manatkul Mussatayeva

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1409-3151>

Казахский национальный педагогический университет им. Абая / Abai Kazakh National Pedagogical University

e-mail: mussatayeva@mail.ru

Keywords: concept, soul, language, culture, linguistic consciousness, Kazakh language, Russian language, Polish language, cultural component, connotation, linguistic culture

Abstract: This article explores the concept of the SOUL based on slang and prison culture. The starting point for the argument is the belief that the soul symbolizes the man and his inner being (from the presence of high moral and ethical qualities to statements of spiritual death) in all cultures, as evidenced by the presence of a large number of phraseological and paremiological units with identical values. The purpose of the study is to consider and characterize the linguistic objectification of the concept of the soul. The conducted comparative analysis allows us to conclude that the perception of this concept among the Slavic and Turkic peoples is largely matching. The concept

of the soul in all comparable languages is multilayered, in which cognitive traits are reflected, corresponding to the semantic components of the tokens representing it. The presented variety of semantic and conceptual variations facilitates the modelling of a wide interpretation field of this concept.

Культуру можно определить как то,
что данное общество делает и думает.
Язык же есть то, как думают.

Э. Сепир

Существует масса научной литературы об этногенезе, т.е. историческом процессе происхождения этносов, начиная от истоков до формирования целостных этносоциальных коллективов и их специфических культурно обусловленных систем (языка, обычаев, традиций, приемов хозяйственной практики и др.). Не подлежит сомнению, что основными индикаторами этнической общности являются культура и язык. В соответствии с антропоцентрической научной парадигмой попытка ученых объяснить все языковые явления и процессы с позиций человека неизбежно на первый план выдвигает вопрос о роли языка в жизни этноса и трансляции его культуры, что объясняется общностью этих феноменов: происхождением, семиотической выраженностью и функционированием. Одной из общих черт языка и культуры, выделяемых Ю.М. Лотманом, является то, что «они представляют собой формы сознания, отображающие мировоззрение человека и существующие в диалоге между собой» [Лотман 1973, 228]. В.М. Лейчик, выявляя функции языка и культуры, акцентирует внимание на коммуникативной и аксиологической функциях обеспечивающих диалог культур, осуществляемый, конечно, на основе диалога языков [Лейчик 2005, 250-256]. Также очевиден факт того, что культура зиждется на национальном менталитете. В.В. Колесов, дефинируя термин *ментальность* как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях», отмечает, что «(...) язык воплощает и национальный характер и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [Колесов 1992, 81]. Опираясь на вышеприведенные положения, в данной статье посредством анализа одного и того же культурного концепта в разноструктурных языках, совпадающего по языковой репрезентации, но различающегося содержанием и ролью в формировании национальной ментальности, делается попытка представить степень осмысления этнической принадлежности человека. Объектом описания выступает культурный концепт ДУША, а предметом – выявление средств репрезентации его содержания в русском, казахском и польском языках.

Как известно, слово в любом языке имеет сложную семантическую структуру: собственно лексическое (денотативное и сигнификативное) и коннотативное значения. Как отмечает В.И. Шаховский, коннотация «по-прежнему остается привлекательной, но не пойманной жар-птицей для современной семасиологии» [Шаховский 1983, 13]. Представляется, что выявление универсальных и уникальных черт в содержании данных концептов в языковом сознании носителей славянской и тюркской культур, позволит хотя бы приблизиться к этой мифической жар-птице, «озаряющей невидимые грани этнокультурной семантики не только слова, но и текста» [Алефиренко 2005, 163-164].

Несмотря на наличие огромного количества научных трудов, посвященных взаимообусловленности и взаимозависимости языка и культуры, исследовательский интерес к ним неисчерпаем. В фундаментальных трудах таких научных персоналий, представляющих различные гуманитарные отрасли, как В. фон Гумбольдт, Г. Гачев, Л.Н. Гумилев, Ю.М. Лотман, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, М.М. Бахтин, Н.С. Трубецкой, С.В. Лурье, Н.И. Толстой, В.М. Лейчик, В.Н.Телия, В.В. Колесов, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, А. Вежбицка, Н. Бонвиллейн, Т. Шварц, Н.С. Триандис, Р.А. Шведер и мн. др., содержится «россыпь» идей, являющаяся импульсом для дальнейших исследований феноменов языка и культуры. В современных исследованиях, касающихся этих двух феноменов (языка и культуры), красной нитью проходит мысль В. фон Гумбольдта о том, что «(...) изучение языков мира – это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека» [Гумбольдт 1984, 43]. Идеи В. Гумбольдта о взаимосвязи языка, мышления и культуры получили дальнейшее развитие в гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, в основе которой лежит мысль о том, что «язык, будучи общественным продуктом, представляет собой такую лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства. Мы видим, слышим и воспринимаем (...) те или другие явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества» [Сепир 1993, 248-258]. Отмечая принципиальное единство мышления и языка, Б. Уорф подчеркивает влияние языковых норм не только на восприятие людьми внешнего мира: «(...) Поразительное многообразие языковых систем, существующих на земном шаре, убеждает нас в невероятной древности человеческого духа (...)» [Уорф 1960, 189]. В этом мы убеждаемся всякий раз, в особенности, когда проводим сопоставительный анализ на материале разноструктурных языков. Попытаемся проиллюстрировать это посредством анализа культурно маркированных слов в казахской, русской и польской лингвокультурах.

Общеизвестно, что субъектами культуры и языка является человек, соответственно изучение концептов, отражающих внутренний мир человека,

представляет особую ценность для всех наук о человеке, поскольку в каждом индивидуе сквозь призму его родного языка проявляются древнейшие представления этноса, к которому он принадлежит. Так, в современном казахском языке существует слово *айналайын*, дошедшее до нас в значении ласкового обращения к младшим по возрасту и активно употребляемое в разговорной речи. Как пишет известный казахстанский поэт О. Сулейменов в своей поэме *Айналайын*:

Айналайын – чудесное слово,
Жаль, что русский его не поймет,
Объяснить я готов ему снова,
Только бедно звучит его перевод....

Айналайын – дословно: «давай, покружусь вокруг тебя», на первый взгляд, не имеющее ничего общего с чувством ласки. Между тем оно имеет сакральный смысл. Дело в том, что в древности у казахов существовало поверье, согласно которому, больного человека мог излечить старец, пожертвовав своим здоровьем. Жертвенность престарелого человека заключалась в том, что, положив больного человека посреди юрты, старец кругами ходил вокруг больного, приговаривая, чтобы всевышний ниспослал эту болезнь на него, избавив тем самым больного от страданий. Неизвестно, то ли вмешательство Провиденциального субъекта, к которому была обращена молитва-просьба об исцелении больного через трансформацию на старца, то ли сила Слова-молитвы, то ли экстрасенсорные способности молящего, но это, действительно, «срабатывало»: старец умирал, а больной выздоравливал. Таким образом, можно предположить, что в основе современного казахского слова *айналайын* лежит когнитивная структура своеобразного вербального оберега, поэтому заряженное добром ласковое обращение оберегает адресата от разного рода напастей.

Данный пример наглядно иллюстрирует взаимодействие языка как транслятора культуры и исторической памяти этноса. Аналогичную, не всегда осознаваемую носителями языка, функцию оберега в русской культуре выполняют и слова типа *спасибо* (изначально: спаси, Бог) человеку, который заслужил выражение благодарности.

Существует множество попыток описания с разных позиций (философии, теологии, психологии, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и др.) внутреннего мира человека на материале концепта ДУША. Данный концепт является лингвокультурным, поскольку номинирует абстрактное понятие, не соотносящееся с конкретным денотатом, и семантика которого выявляется через сигнификат. Как отмечает Е.О. Опарина, понятийное содержание таких концептов «конструируется» носителями языка, исходя из характерной для каждой лингвокультурной общности системы ценностей, поэтому культурные концепты и способны проявлять специфику языковой картины мира [Опарина 1999, 35].

Концепт ДУША как один из константных в русской концептосфере представлен в *Словаре русской культуры...* Ю.С. Степанова [Степанов 1997]. Проблеме вербализации данного концепта в русской лингвокультуре посвящен целый ряд публикаций: от отдельных статей до монографических исследований, в которых данный концепт рассматривается в одном ключе с такими, как дух/душа/плоть/тело (сердце). Исследованию феномена души посвящены работы В.Н. Топорова (душа и тело), Е.В. Урысон (ДУША – сердце – ум/разум), Ю.Д. Апресяна (телесная метафора), Ю.С. Степанова (дух – душа), А.Д. Шмелева (человек как тройственная структура: дух – душа – тело), А. Вежбицкой (правда и душа), В. Дементьева (коммуникативная составляющая концептов дружба – правда – душа), Л.Ю. Буяновой («образ души» у различных авторов) и др.

Исследованию концепта ДУША на лексическом, фразеологическом и метафорическом материалах разных языков посвящены работы А. Вежбицкой, В.А. Масловой (русского); М.Ю. Михеева, И.А. Перевозниковой (в русской ЯКМ); И.О. Голубовской (украинского, русского, английского и китайского); О.О. Селивановой (украинского), Ст. Калдиевой-Захариевой (болгарского и румынского), А.С. Айдарбековой (русского и казахского), Н.В. Деевой (польского), Н.Г. Арефьевой (болгарского) В.И. Бурнос, М.В. Пименовой (русского и английского), М.К. Головановской (русского и французского), Е.В. Черниковой (русского, английского и эвенкийского), Е.Б. Яковенко (английского и немецкого), Р.Р. Замалетдинова (татарского), А.З. Хабибулиной (русского и китайского), Л.Х. Самситовой и Г.Х. Бухаровой, (башкирского), Ж.М. Уматовой, С. Акатай (казахского) и др.

В.А Маслова в концепте ДУША выделяет следующие семантические компоненты:

- внутренний мир человека, его «я»;
- носитель этического идеала (чистая душа, запачканная душа);
- связь с высшим духовным началом;
- душа – двойник доли, судьбы;
- дыхание, воздух, пар, птица, бабочка (представление, присущее разным народам);
- локализация в человеческом теле (душа не на месте, душа ушла в пятки);
- твердый предмет (царапать душу);
- поверхность, похожая на землю (камень на душе, след в душе);
- хлеб (черств душой);
- отхожее место (нагадить в душу, гниль в душе);
- музыкальный инструмент (струны души);
- маленький ребенок (в глубине души, тревожить душу, лезть в душу, хватать за душу);
- душа уходит после смерти в загробный мир;
- дым [Маслова 1999, 235].

Также представляют интерес семантические компоненты концепта ДУША, выделенные М.Ю. Михеевым:

- вместилище (тайник, хранилище, сокровищница), сосуд (опустошенная или заполненная);
- ткань, полотно или завеса;
- воздух;
- как некий орган;
- струны, нити, фибры или жилы;
- растение, деревце;
- некая ценность, которую можно заложить, продать, купить или которой можно завладеть [Михеев 1999, 157].

Вышеприведенный перечень работ позволяет судить о достаточной степени изученности концепта ДУША в русской языковой картине мира. В связи с этим в рамках данной статьи мы не «углубляемся» в объективацию анализируемого концепта в русской культуре, а опираемся на результаты вышеприведенных исследований. Безусловно, когда речь идет о таком сложном феномене, как душа, то ошибочно полагать, что он изучен до конца. Однако, как говорится, все познается в сравнении. Если изучение данного концепта на материале русского языка отличается большим разнообразием подходов, то в других национальных ЯКМ степень ее изученности весьма скромна. Определенный вклад в восполнение этой лакуны может внести проведение сопоставительного анализа данного концепта, присутствующего в концептосфере носителей и славянской, и тюркской культур, репрезентируемых средствами разноструктурных языков. Это позволит выявить универсальные и уникальные черты в понимании такой тонкой сферы, как человеческая душа, носителями сопоставляемых культур, а тем самым – глубже понять их менталитет. Исходя из этого, предметом данной статьи является языковая объективация концепта ДУША в казахской и польской лингвокультурах на фоне русской языковой картины мира.

Изначально следует отметить, что содержание анализируемого концепта в рассматриваемых языках в основном вербализуется посредством переносных значений репрезентантов, т.е. метафорически. И это естественно, поскольку человеку свойственно сравнивать, сопоставлять новое явление с уже известным ему и выделять общие признаки. Как справедливо отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «(...) метафоры пронизывают нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действия. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафоричной по своей природе» [Лакофф, Джонсон 1990, 389].

ДУША, являясь одним из ключевых культурных концептов в польской лингвокультуре, постоянно привлекает внимание, как польских, так и русских языковедов. Н.В. Деева сосредоточивается на проблеме изучения метафорических способов репрезентации данного концепта [см. напр.

Деева 2019; Piasecka 2008]; Эдыта Концевич-Дзидух писала о феномене славянской души в культурной и языковой перспективе [Koncewicz-Dziduch 2012]; антропологические и языковые картины души в межкультурной коммуникации представлены в статьях, включенных в коллективную монографию под редакцией Евы Масловской и Дороты Пазио-Влазловской [Antropologiczno-jezykowe wizerunki... 2016].

Актуальность результатов научных исследований обоснована тем, что описание лексико-семантического поля концепта *душа*, обладает универсальностью. Они доказывают, что ДУША, рассматриваемая в качестве лингвокультурного эмоционального концепта, имеет универсальный характер и, в той или иной форме, присутствует во многих этнических лингвокультурах. К примеру, состояние души является эмоциональной универсалией, так как каждому человеку свойственна способность к переживаниям и эмоциям.

Однако, несмотря на универсальный характер, концепт ДУША обладает определенной спецификой представлений и ассоциаций о ней в каждой отдельной лингвокультуре. Соответственно вербальное представление анализируемого нами концепта в сопоставляемых языках вариативно. Как известно, изучение лингвокультурологической специфики концепта ДУША в той или иной ЯКМ предполагает обращение к единицам всех уровней языка, в том числе к фразеологическому и паремиологическому фондам сопоставляемых языков.

ДУША является значимым концептом для любой славянской культуры. Понятие «славянская душа» обозначает устойчивый склад, присущий индивидуальным представителям славянских народов, выделяющий их из других этносов. К типичным чертам «славянской души» причисляются: душевность, жертвенность, открытость. Она проявляется «как душевное состояние, влияющее на поведение в целом и каждом конкретном случае отдельно. (...) Славянская душа, в ее устойчивых проявлениях, определяет характер славянских народов, их культуру, веру» [Основы духовной культуры...].

Следует подчеркнуть, что концепт ДУША в польской языковой картине мира имеет свои древние, языческие корни. Как отмечает Е.Е. Левкиевская, «(...) у славян, как и у всех других народов, уже в языческие времена существовало понятие души – некой субстанции, которая находится внутри человека и обеспечивает ему жизнь» [Деева 2019, 496]. Этимологически оно происходит от прасл. *duša* (очень хороший человек, честный и доброжелательный), в нем нашло отражение древнее значение слов *дух* и *дыхание*. Таким образом, для представителей польской культуры концепт ДУША противопоставляется явлениям материального мира, выступая прежде всего как символ внутреннего психического мира, эмоций, желаний.

В русской лингвокультуре своеобразным вместилищем души и местом локализации эмоций человека, зачастую выступающим в качестве

замены самого человека, является сердце. Об этом свидетельствует наличие большого количества фразеологических: *сердце радуется, сердце не на месте, сердце падает, отлегло от сердца; доброе/золотое/мягкое/чуткое/отзывчивое сердце, сердечный друг, отдать свое сердце кому-нибудь (полюбить), у него нет сердца, жестокосердный, бессердечный, сдобольный, милосердный, милосердие, чистосердечное признание* и др. и паремиологических единиц: *сердце сердцу весть подает, сердце не камень, черствое сердце не знает благодарности, в сердце не влезешь, сердцу не прикажешь; есть сердце, да закрыто дверцей, сердце не лукошко – не выбросишь за окошко; из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь; от чистого сердца чисто зрят очи* и др.

В польском языке *душа* может номинироваться с помощью различных лексем: *dusza, duch, duszyczka, serce*, напр. *wciskać w serce (w duszę), w głębi ducha (duszy, serca)*. Используя ряд синонимических словарей польского языка [*Słownik synonimów...; Internetowy słownik...; Inny słownik...*], мы выяснили, что синонимическая группа концепта ДУША включает в себя 94 лексемы, что позволяет говорить о высокой номинативной плотности данного концепта.

В казахском языке номинативное поле концепта ДУША представлено лексемами *бауыр* (печень), *жүрек* (сердце), *жан* (душа, дух), *көңіл* (душа), *заре* (дух), которые в одних случаях монозначны, в других – метафоричны, коннотативны. Филиация их значений позволит выявить когнитивные структуры, лежащие в их основе, поэтому рассмотрим семантические компоненты каждого из них по отдельности.

В казахском, как и в других тюркских языках, образно функцию вместилища души также выполняет сердце. Это наглядно демонстрируют сложные слова с компонентом *жүрек* «сердце»: *ержүрек* «смелый, отважный», *жүректілік* «отважность, смелость», *тасжүрек* «с каменным сердцем», *жүрексіз* «бессердечный», *сужүрек* «трусливый», и др. Приведем также целый ряд фразеологизмов с компонентом *жүрек*, выражающий различные состояния души: *жүрек жутқан* – дословно «проглотивший сердце»: о бесстрашном человеке; *жүрек айнуы* – душу воротить, *жүрегі шайқалған* – о перенесшем потрясение сердце/душе, *шын жүректен* – от всей души/ всего сердца, *жүрек жарылу/ жүрегі жарыла жаздау* – от радости чуть сердце не выскочило из груди/ чуть не лопнуло, *жүрегін жайып салу* – распахнуть сердце, *жүрегі қарс айрылу (қайғыдан қатты күйіну, өзегі өртену)* – сердце разрывается на части (от горя, переживаний, жалости) и мн. др. Сердце рассматривается и как вместилище ума, так, в паремии *Ақымақтың ақылы білегінде, Ақылдының ақылы – жүрегінде*. Ум глупца – в запястье, а умного – в сердце.

Если в русской лингвокультуре вместилищем души является только сердце, то в тюркской, в том числе казахской, таковым в большей степени является печень – *бауыр*, этимона от древнетюркского *bağır*, восходящего

к пратюркскому *biagir* со значениями «печень», «сердце», «родственный», «кровный» [*Древнетюркский словарь* 1969].

В современных тюркских языках слова с древним корнем *bağ-* имеют прямое значение «печень», переносное «сердце», «душа». Поскольку у казахов, как и во всем тюркском мире, в большом приоритете кровное родство, то слово, именующее важный орган внешней секреции человека, метонимически переносится и на родственников, тем самым подчеркивая их важность в жизни человека. Соответственно производный от *бауыр* дериват *бауырмашыл* означает «чуткий, особенно по отношению к родственникам», а *тасбауыр* – «с каменным сердцем», «бессердечный». Кроме того, в современном казахском языке слово *бауырым* выступает и в роли обращения казаха к представителю своего этноса, в чем проявляется один из вариантов этнического образа – *интраобраз* (представления о членах своего этноса), являющегося базовым основанием в оппозиции «свой – чужой».

Следует отметить, что в современном польском языке, кроме христианского понимания души как морально-этической сущности, связывающей человека с Богом, укоренились несколько других, в том числе материальных, значений. *Словарь польского языка в 2-х томах* определяет душу как:

- (*перен.*) психический мир человека; психика, дух, сознание: *stan duszy, dusza ludzka*;
- (*в христианской религии*) духовное начало, существующее независимо от тела, обладающее бессмертием (нематериальный быт, покидающий человека в момент смерти): *wieczna dusza*;
- кто-то, являющийся вдохновителем (инспиратором) различных действий, влияющий на других: *być duszą towarzystwa*;
- (*перен.*) человек: *poszcziwa dusza*;
- (*техн.*) металлическая часть старинного, чугунного утюга;
- (*муз.*) в струнных инструментах часть, соединяющая верхнюю и нижнюю плиту резонаторного ящика.

Если в казахском языке слово *бауыр* является вторичной номинацией концепта *душа*, то его первичная номинация – слово *жан* «дух, душа». Так, существительное *жаным* имеет значения 1. Душа моя; 2. Сердце мое; 3. Ласковое обращение к близким, иногда и к чужим младше себя. Отсюда *жанды* – одушевленный, а *жансыз* – неодушевленный. Происхождение слова *жануар*, вероятно, от *жан(ы) + б/уар* (фонетическая переогласовка) или *жәндік* «насекомое» со значением «живое существо», хотя в казахском языке названия всей фауны представляют класс неодушевленных существительных.

В казахском языке опорный компонент *жан* во фразеологизмах соответствуют русскому *душа, дух*: *жаны шықты* (испугался настолько, что чуть *дух* не испустил); *жанына бат(ыр)у* – дословно «давит/ давление на душу»: сильно переживать, огорчаться (доставить огорчение, переживание);

жанашыр – о человеке: близком, родном, болеющим душой за (кого/что...); *жаны ашу* – болеть душой за (кого/что...); *жаны ашымау* – быть равнодушным, не болеть душой за (кого/что...); *жанын шығару* – дословно «выпустить кому-л. дух»: дать нагоняй»; *жанын/ жан-тәнін салу* – «делать что-либо от души, с полной отдачей, самозабвенно»; *жанын жаралау* – ранить душу, *жанын күту* – беречь свое здоровье; *жаны кіру* – успокоиться душой, наслаждаться; *жанын шүберекке түйіп...* – буквально «завязав душу в тряпочку»: «собравшись с духом/ спрятав страх глубоко в себе пойти на что-то, сделать что-то»; *жантәттілік* – *неодобр.* дословно «сладость жизни»: излишняя боязнь за свою душу/жизнь; *жаны тәтті* – *неодобр.* о человеке, который «трясется» за свою душу/жизнь; *жаны жәннетте* – о покойном/ой: его/ее душа в раю; *сөзінің жаны бар* – есть доля истины в его/ее словах; *тірі жан* – живое существо: *ирон.* чаще о безынициативном, инертном человеке (эйгеуір, жүрген бір тірі жан – одно название, что человек), *жансақтау* – (жить) жизнеобеспечение; *жансақтау бөлімі* – реанимационное отделение.

Такие духовно-нравственные ценности, как *честь*, *достоинство*, *дружба*, *здоровье* и др., в казахской ЯКМ также соизмеряются с душой/жизнью, о чем свидетельствуют паремиологические единицы с компонентом *жан* (душа). Приведем примеры, подтверждающие мысль о том, что казахи честь и совесть ценили выше жизни: *Ақылдыға ар қымбат, ақылсызға жан қымбат* – Умному дорога честь, а глупому – жизнь; *Малым жанымның садағасы, жаным арымның садағасы.* – Богатством своим пожертвую ради жизни, но жизнью (душой) своей – ради чести. О дружбе: *Етігің жаман болса, аяғыңды қажайды, жолдасың жаман болса, жаныңды қажайды* – дословно: Если у тебя худые сапоги, они натирают тебе ноги; если у тебя плохой друг он натирает твою душу (причиняет боль твоей душе).

Отношение казахов к Слову как ценности, занимающей большое место в душе казахов, отразилось в следующих пословицах: *Жақсы адам елдің ырысы, жақсы свз жанның тынысы.* – Хороший человек – достояние народа, хорошее слово – спокойствие души; *От тәнді жылытар, сөз жанды жылытар.* – Огонь согревает тело, слово согревает душу.

Проявлением этнической ментальности являются и имена собственные, в которых ярко выражаются ее уникальные черты. Казахи придавали большое значение именам детей, считая, что имя, данное в рождении, предопределяет судьбу ребенка. Поэтому в сложных именах первый компонент наполнялся основным содержанием, отличался разнообразием и образностью, а второй компонент – *жан* был своеобразным ласковым, душевным благословением в большую жизнь, *мальчиков*: *Арманжан* «мечта+душа», чтобы он достиг своей цели в жизни, *Ғалымжан* «ученая душа», *Жандос* «душевный друг», *Бахытжан* «счастливая душа», *Ержан* «мужественная душа» и др., *девочек*: *Аружан* «красивая душа», *Айжан* «лунная душа», *Балжан* «медовая душа» и др.

Одним из репрезентантов лингвокультурного концепта ДУША в казахском языке является слово *көңіл*. Об его важности в выражении внутреннего мира казахов свидетельствует наличие ряда фразеологических единиц применительно к разным ситуациям: (*біреудің көңілін қалдыру* / (*біреуден*) *көңілі қалу* – разочаровать (кого-то)/разочароваться (в ком-то); *көңіл бөлу* – уделять внимание, *көңілін аулау* – стараться угодить, *көңіл (ін) көтеру* – веселить(ся), *көңілден шығу* – угодить, *шын көңілден* – от души, *көңілі көңішу* – удовлетвориться, успокоиться душой и др. Также слово *көңіл* является опорным компонентом в фразеологизмах, в которых находит отражение такие национальные обычаи, как обязательный визит к больным родственникам и близким людям с тем, чтобы справиться о здоровье: *көңілін сұрау*; ритуал выражения соболезнования *көңіл айту* и др., что подтверждает мысль В.Н. Телии о том, что: «Культурное явление, вербализуясь в языке, получает статус национально-культурного кода, только в этом случае, когда оно покидает рамки языковой или речевой действительности одного индивида и становится общенациональным достоянием» [Телия 1999, 71].

И в качестве еще одного репрезентанта концепта ДУША в казахском языке можно назвать лексему *рух* с основным значением *дух*, периферийно выступающей со значением *душа*. Следует отметить, что производные от *рух* дериваты *руханият* – духовность, *рухани* – духовный в современном казахстанском социуме очень значимы, поскольку в всех сферах общественной жизни активно реализуется Программа «Рухани жаңғыру» – взгляд в будущее, что означает «Духовное возрождение», в которой разработаны конкретные проекты с целью сохранения и приумножения духовных и культурных ценностей нации.

Таким образом, концепт ДУША в казахском языке репрезентируемый лексемами *жан*, *көңіл*, *жүрек*, *бауыр*, частично *рух*, состоит из следующих семантических компонентов/ когнитивных признаков:

- жизнь/важный (*Ақылдыға ар қымбат, ақылсызға жан қымбат*);
- состояние/эмоциональный (*көңілі қалу* / *қуаныштан жүрегі жарыла жаздау, қайғыдан жүрегі қарс айрылу*);
- мягкий предмет / хрупкий, нежный (*жанына бату / батыру, жанын жаралау*);
- переменчивость/рефлексирующий (*көңілін аулау, көңіл көтеру, көңілі көңішу*);
- локализация в человеческом теле / подвижный (*жаны шығу, жанын шығару*);
- родство / кровный, свой (*бауыр*).

В польской лингвокультуре основные синонимические значения можно разделить на несколько групп, учитывая следующие значения:

- душа – по отношению к стимулу действовать (*argument, asumpt, bodziec, czynnik, generator, motyw, spiritus movens* и др.);

- душа – в контексте живого начала действия (*impuls, początek, sprężyna, źródło* и др.);
- душа – по отношению к образу мышления (*charakter, duch, psychika, serce* и др.);
- душа – как душевное спокойствие (*duch, duszyczka, jaźń* и др.)
- душа – по отношению к темпераменту человека (*głębia duszy, osobowość, usposobienie* и др.);
- душа – как черта смелого человека (*bohaterstwo, duch walki* и др.);
- душа – по отношению к сфере чувств и переживаний человека (*wewnętrzne ja, wewnątrz* др.);
- душа – в контексте духовности (*duchowość, psyche* и др.).

Осуществленный нами анализ фразеологических единиц, поговорок, пословиц и паремии, доказывает, что концепт ДУША в польском языке ощутил на себе заметное влияние христианства. Показательными примерами являются следующие пословицы и поговорки, для которых типично использование религиозной лексики (Бог, ад, рай, день поминовения усопших): *Wsadził Bóg duszę ni w pień, ni w gruszę; Hulaj dusza, piekła nie ma; Dzień Zaduszny bywa pluśny, niebo płacze, ludzie płaczą, a ubogich chlebem raczą, rozdając jałmużnę za duszyczki różne.* Характерным является также противопоставление души (морально-эмоциональное) и тела (материальное). Ярким примером может служить следующая паремия: *Postać anielska, dusza diabelska.* Кроме антитезы «душа– тело», основной является «душа – грех»: *Co ciało lubi, to duszę gubi.* Противопоставление может строиться на сравнении земных благ и духовных. Этот прием используется с целью подчеркнуть несовершенство и тленность земной жизни: *Chciałaby dusza do raju, ale jej grzechy nie dają; Jak msza zakupiona, to dusza zbawiona; Rada by dusza do raju, ale grzechy nie puszczają.*

Фразеология польского языка, мотивированная мифически-христианскими воображениями о душе, отражает характерные для славянской этнокультуры понимание души как ценности. На основе анализа фразеологических единиц мы можем сделать вывод о том, что понятие души осуществляется в четырех семантических пространствах:

- душа как символ жизни;
- душа как символ добра;
- душа как символ разума;
- душа как символ человека.

Таким образом, в сопоставляемых лингвокультурах в основе лексических значений репрезентантов концепта ДУША лежат когнитивные структуры, отражающие следующие универсальные черты:

- психическая и эмоциональная жизнь человека: польск. *bratnia dusza, dusza człowiek, dusza się raduje, być oddanym duszą i ciałem, lekko (ciężko) na duszy, chwytać za duszę, w głębi duszy, odczuwać niepokój w duszy, wkładać w coś całą duszę, wejść (włączyć) z kaloszami (butami) do duszy, otworzyć*

przed kimś duszę и др.; русск. *легко/тяжело/беспокойно на душе, камень на душе, душа-человек, нет душе покоя* и др.; казах. *жанын салу, жаны ашу, жанталасу* и др.

- душа наделяется способностью к эмоциональным переживаниям: польск. *dusza raduje się, dusza śpiewa, dusza tańczy, dusza tęskni, dusza płacze*; русск. *душа радуется, душа поет*; казах. *жаны жадырау, жаны жай табу, жаны қиналу* и др.
- мотивированы мифологически-религиозными представлениями о душе: польск. *duszą i ciałem, martwa dusza, nieczysta dusza, nie ma żywej duszy, zbląkana dusza, oddać duszę diabłu / sprzedać duszę diabłu, rogata dusza, za spokój duszy*; русск. *душа в раю/аду*; казах. *жаны жәннетте/тозақта* и др.
- локализация души, т.е. наличие конкретного места ее нахождения: польск. *mieć duszę na ramieniu / z duszą na ramieniu*; русск. *душа не на месте, душа покинула тело*; казах. *жаны шығу, жанын шығару* и др.
- вместилищем души во всех культурах является сердце: польск. *całą duszą (z całego serca)*; русск. *брать за сердце, на сердце камень, сердце кровью обливается*; казах. *жүрек жұтқан, жүрек шайқалы* и др.

Репрезентация концепта ДУША в сопоставляемых языках также характеризуется этнокультурной маркированностью, к которой можно отнести:

- культурный компонент, связанный с принадлежностью к разным религиозным конфессиям: *oddać duszę Bogu, Bogu duszę oddać, жанаалгыш Әзірейіл* и др.
- в славянской лингвокультуре вместилищем души является только сердце; в тюркской, в том числе казахской, таковым в большей степени является печень – *бауыр* (см. примеры выше).

Как видно, по справедливому замечанию Н.В. Деевой, душа, как и человек, который испытывает положительные эмоции, может радоваться, петь, танцевать, тосковать, плакать [Деева].

На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа концепта ДУША, нами сделан вывод о том, что восприятие данного концепта у славянских и тюркских народов во многом совпадают. Концепт ДУША во всех сопоставляемых языках является многослойным, в которых отражаются когнитивные признаки, соответствующие семантическим компонентам репрезентирующих его лексем. Представленное разнообразие семантических и понятийных вариаций дает возможность моделированию широкого интерпретационного поля данного концепта.

Во всех трех культурах душа, как и сердце, символизирует человека, его внутреннюю сущность (от наличия в нем высоких нравственных и морально-этических качеств до констатации его духовной смерти), о чем свидетельствует наличие большого количества фразеологических и паремиологических единиц с идентичными значениями. Кроме того, в ментальности славян и тюрков большое внимание уделяется гибели

души и её спасению. ДУША во всех тех культурах рассматривается как основная субстанция, дарованная человеку Провиденциальным субъектом. Бережное отношение к ней и сохранение ее первоизданной чистоты вменяется Им в обязанность человека.

Библиография

- Alefirenko Nikolaj Fedorovič. 2005. *Spornye problemy semantiki*. Moskva: Gnozis [Алефиренко Николай Федорович. 2005. *Спорные проблемы семантики*. Москва: Гнозис].
- Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. 2016. T. 1: *Dusza w oczach świata*. Red. Masłowska E., Pazio-Wlazłowska D. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk.
- Сепир Эдуард. 1993. *Izbrannye trudy po ŗazykoznanii i kul'turologii*. Moskva: Progress, Univers [Сепир Эдуард. 1993. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс, Универс].
- Drevnetŗrkskij slovar'*. 1969. Red. Nadelŗev V.M., Nasilov D.M. Leningrad: Nauka [Древнетюркский словарь. 1969. Ред. Надеяев В.М., Насилов Д.М. Ленинград: Наука].
- Gumbol'dt Vil'gel'm. 1984. *Izbrannye trudy po ŗazykoznaniiŗ*. Moskva: Progress [Гумбольдт Вильгельм. 1984. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс].
- Inny słownik języka polskiego*. 2000. Red. Bańko M. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Internetowy słownik języka polskiego*. В: <https://synonim.net/>.
- Kolesov Vladimir Viktorovič. 1992. *Koncepty kul'tury: obraz, ponŗtie, simbol*. «Vestnik Spbgu» № 16. Seria 2. Выр. 3: 3-40 [Колесов Владимир Викторович. 1992. *Концепты культуры: образ, понятие, символ*. «Вестник СПбГУ» № 16. Серия 2. Вып. 3: 3-40].
- Koncewicz-Dziduch Edyta. 2012. *O słowiańskiej duszy w wierzeniach, kulturze, języku na przykładzie frazeologizmów sztokawszczyzny literackiej*. «Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej» № 47: 181-192.
- Lakoff Dŗ., Dŗonson M. 1990. *Metafory, kotorymimy ŗivem*. V: *Teoriŗ metafory*. Red. Arutŗnova N.D., ŗurinska M.A. Moskva: Progress: 387-415 [Лакофф Дж., Джонсон М. 1990. *Метафоры, которыми мы живем*. В: *Теория метафоры*. Ред. Арутюнова Н.Д., Журина М.А. Москва: Прогресс: 387-415].
- Lejčik Vladimirmoiseevič. 2005. *Social'noe i individual'noe v dialoge kul'tur*. V: *ŗizn' ŗyka i ŗizn' vŗyke*. Red. Sulecmenova Œ.D. Almaty: Œazaŗ universiteti: 250-256 [Лейчик Владимир Моисеевич. 2005. *Социальное и индивидуальное в диалоге культур*. В: *Жизнь языка и жизнь в языке*. Ред. Сулецменова Э.Д. Алматы: Казах университеті: 250-256].
- Lotman Œrij Mihajlovič. 1973. *O dveh modelŗh komunikacii v sisteme kul'tury*. «Semeiotike» (Tartu) t. 6: 76-89 [Лотман Юрий Михайлович. 1973. *О двух моделях коммуникации в системе культуры*. «Semeiotike» (Тарту) т. 6: 76-89].
- Maslova Valentina Avraamovna. 2001. *Lingvokul'turologiŗ. Učebnoe posobie*. Moskva: Akademiŗ [Маслова Валентина Авраамовна. 2001. *Лингвокультурология. Учебное пособие*. Москва: Академия].

- Miheev Mihai Ūr'evič. 1999. *Otraženie slova «duša» v naivnoj mifologii russkogo āzyka (opyt razmytogo opisaniā obraznoj konnotativnoj semantiki)*. V: *Frazeologiā v kontekste kul'tury*. Red. Teliā V.N. Moskva: Institut āzykoznanīā RAN: 145-158 [Михеев Михаил Юрьевич. 1999. *Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики)*. В: *Фразаеология в контексте культуры*. Ред. Телия В.Н. Москва: Институт языкознания РАН: 145-158].
- Oparina Eena Olegovna. 1999. *Lingvokul'turologiā: Metodologiċeskie osnovaniā i bazovye ponātiā*. V: *Āzyk i kul'tura: Sbornik obzorov*. Red. Oparina E.O. i dr. Moskva: INION RAN: 27-48 [Опарина Еена Олеговна. 1999. *Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия*. В: *Язык и культура: Сборник обзоров*. Ред. Опарина Е.О. и др. Москва: ИНИОН РАН: 27-48].
- Osnovy duhovnoj kul'tury (ěnciklopediċeskij slovar' pedagoga)*. 2000. Sost. Bezrukova V.S. Ekaterinburg: Izdatel'stvo AST [*Основы духовной культуры (эциклопедический словарь педагога)*]. 2000. Сост. Безрукова В.С. Екатеринбург: Издательство АСТ].
- Šahovskij Viktor Ivanoviċ. 1983. *Ėmotivnyj komponent znaċeniā i metody ego opisaniā*. Volgograd: Izdatel'stvo VGPI im. A.S. Serafimoviċa [Шаховский Виктор Иванович. 1983. *Эмотивный компонент значения и методы его описания*. Волгоград: Издательство ВГПИ им. А.С. Серафимовича].
- Słownik synonimów*. 1998. Red. Kubiszyn-Mędrala Z., Kurzowa Z., Skarżyński M. Warszawa: PWN.
- Stepanovŭrij Sergeevič. 1997. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniā*. Moskva: Āzyki slavānskoj kul'tury [Степанов Юрий Сергеевич. 1997. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Языки славянской культуры].
- Teliā Veronika Nikolaevna. 1999. *Pervooċerednye zadaċi i metodologiċeskie problemy issledovaniā frazeologiċeskogo sostava āzyka v kontekste kul'tury*. V: *Frazeologiā v kontekste kul'tury*. Red. Teliā V.N. Moskva: Āzyki russkoj kul'tury [Телия Вероника Николаевна. 1999. *Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры*. В: *Фразаеология в контексте культуры*. Ред. Телия В.Н. Москва: Языки русской культуры].
- Uorfbendžamin Li. 1960. *O dvuh ošiboċnyh vozzreniāh na reċ' i myšlenie, harakterizuiŭših sistemu estestvenno jlogiki, i o tom, kak slova i obyċai vliāiūt na myšlenie*. «Naukai āzykoznanie. Novoe v lingvistike» (Moskva). Вып. 1. V: <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm> [Dostup 26 III 2020] [Уорф Бенджамин Ли. 1960. *О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление*. «Наука и языкознание. Новое в лингвистике» (Москва). Вып. 1. В: <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm> [Доступ 26 III 2020].

